

Искатель новых путей

В истории шахты и комбината многое связано с именем академика И. М. Губкина. Еще в конце 1950 годов сотрудники комбината начали переписываться с его дочерью Галиной Ивановной. В одном из писем она просила прислать ей образцы железных руд КМА, открытию и исследованию которых И. М. Губкин посвятил 20 лет жизни.

Через несколько дней прислала свои воспоминания об отце, писавшиеся от случая к случаю в течение нескольких лет, когда ей вспоминалось что-либо интересное.

Письма Галины Ивановны хранятся в Губкинском краеведческом музее, и мы предлагаем читателям познакомиться с отрывками из них.

Первое детское воспоминание. Возраст мой – около 4-х лет. Меня укладывают спать. Батя на ночь рассказывает мне сказку. Каждый день сказка новая, не длинная, но складная и интересная. Впрочем, я могу попросить и старую сказку, если сумею объяснить, чего мне хочется. И я с нетерпением жду вечера.

Оказывается, я слушала басни Крылова. Батя рассказывал их всегда на память, говоря различными голосами за разных персонажей, и так и остался у меня великий баснописец на всю жизнь одним из любимых писателей.

Чтобы так увлечь этими чудесными баснями и приохотить к ним маленького ребенка, надо самому обладать чувством прекрасного, хорошей памятью, умением показать басню, одним словом – одаренностью.

Иван Михайлович неплохо декламировал стихи Никитина, Кольцова, Некрасова. Говорил просто, вроде как бы рассказывал, окол, конечно, но впечатление оставалось сильное. Дома говорили, что в молодые годы он успешно выступал с художественным чтением в рабочих театрах Питера.

Чудесно рассказывал о чем угодно. Различные эпизоды и события описывал ярко, красочно, занятно, непременно с ухмылочкой, с лукавинкой. Если событие происходило под открытым небом, то тут же в 2-3 словах скажет и про погоду, какая была, и вообще про природу вокруг.

Сам острил редко, но метко. Юмор чувствовал тонко. Любил читать Салтыкова-Щедрина и Гоголя. Вообще очень любил чтение хорошей художественной литературы – испортил из-за этого зрение еще в юные годы, так как читал ночами при плохом освещении, но привык к хорошему слогу и сам стал хорошо писать.

То, как Губкин читал лекции, заслуживает особого рассказа. Никогда не повторялся, тщательно готовился по новейшим отечественным и зарубежным источникам. Говорил вдохновенно – заслушаешься! Полагая, что если люди пришли его слушать, то затратили на это огромное количество времени, и его рассказ должен быть достоин этой затраты. Аудитория ломилась не только от студентов. Ходили преподаватели и профессора.

Особое место в его жизни занимала музыка, главным образом пение. Без песни (чтобы не слушать или самому не петь) просто не мог. «Мурлыкал», по собственному выражению, почти всегда, а уж во время полевых работ – обязательно.

На моей памяти, когда в семье появился достаток (и не малый), родители купили граммофон. Очень хороший был граммофон – без шипения и хрипов. Покупались и пластинки: арии из опер, народные песни, оркестровые произведения. Иногда вечером устраивался домашний концерт. Мама перебирала пластинки и отбирала те, которые все хотят послушать сегодня. Учитывалось мнение каждого, даже мое. Слушали истово, ничем другим не занимаясь. Когда концерт кончался, батя шлепал себя ладонями по коленям и, поднимаясь, говорил «Ну, ладно. Хорошенького понемножку». Я с нетерпением ждала, не пригласит ли меня батя к себе. И вдруг он говорил: «Ну, дочка, пойдем работать». Это было как раз то, что требовалось. Сейчас батя подхватит меня на руки и отнесет в кабинет на диван. Будет гореть только настольная лампа под зеленым абажуром на письменном столе. Я свернусь в клубочек на диване, от стола будет доноситься шелест бумаги и такое приятное батино «мурлыканье». Я начну дремать. А потом утром даже не буду помнить, как очутилась у себя в кровати.

Несмотря на то, что в последние годы перед революцией семья жила в достатке, подарками нас не заваливали. Воспитание было, пожалуй, спартанского характера. Но внимания, любви и ласки я видела в раннем детстве много. Когда отец бывал дома, он умел выкраивать время для детей и много нам рассказывал и порознь (так как интересы у нас братом из-за разницы в возрасте отличались), и вместе. Это было всегда интересно. Меня, например, в детстве увлекали рассказы о вулканической деятельности, и я их всегда просила. Отец охотно рассказывал, а брат с интересом слушал.

Вообще отец рассказывал о самом разном, но у него были две вечные темы, которые никогда не исчерпывались. Одна – крестьянский труд, вторая – учеба. Крестьянский труд подавался подробно, с показом движений земледельца, с описанием погоды, даже о комарах не забывалось.

К теме учебы батя возвращался неизменно, даже будучи академиком и пожилым человеком. Вообще в доме царил прямо таки культ приобретения знаний. Просто в голову не приходило, как можно пренебрегать учебой, и мы с братом всегда хорошо учились. Батя всегда сам что-нибудь изучал: научные книги, иностранные языки, партийные документы. Несмотря на все возрастающий научный авторитет, он никогда не считал свои знания окончательными. Хорошо помню деловую обстановку, созданную родителями дома и неукоснительно поддерживающуюся матерью, женщиной исключительно сильного характера. Было такое правило, что если кто-либо из членов семьи, садится заниматься, или как было принято говорить «садится работать», то нельзя ему мешать пока он сам не скажет, что освободился.

Вообще всякий труд уважался. Меня – девочку – рано начали приучать к домашнему труду. Тогда с товарами было трудновато, батя получал «партмаксимум» - 250 рублей, но давали пайки. Получив по пайку отрез легкой ткани, шили из него одежду сначала маме. Через некоторое время эта одежда переходила ко мне, и я довольно успешно переделывала ее для себя.

Есть два коварных губителя человеческих судеб: водка и табак, но даже они как то обошли отца стороной – не смогли за него зацепиться.

Периодов курения у него было два. Первый – в начале неустроенной и голодной жизни в старом Питере. Этот период кончился после знакомства с моей будущей матерью – Ниной Павловной. Она была медичкой и посоветовала бросить курить. Он подумал и послушался – бросил. Второй раз закурил после возвращения на Родину из научной командировки в Америку. Жить было трудно: гражданская война, холод, разруха, работа в бешеном темпе, а питание – впроголодь. На паек давали немного табаку. Отец стал курить, так как это маскировало голод. Но время шло. Он начал покашливать и вновь бросил курить.

Что касается спиртного, то практически совсем не пил. Когда случалось бывать в компаниях, где выпивали, становился весел и шумлив. Очень ловко умел обманывать окружающих, чтобы к нему не приставали. Он всегда был, как бы опьянен жизнью. Шутка ли сказать: быть так захваченным работой и столкновениями мнений и судеб вокруг нее, что не брать отпуска 15 лет подряд.

К людям Губкин относился доброжелательно. Всегда был готов прийти на помощь. Сослуживцы это знали и широко этим пользовались. Только в одном виде просьб он всегда отказывал. Это когда его просили устроить кого-нибудь «по знакомству» учиться или на легкую работу. Вначале некоторые родственники обижались за это на отца, но потом перестали. Поняли, что он хорошо относится к родным, готов оказать им посильную материальную помощь, принять у себя в доме и не на день-два (иногда родственники месяцами жили, питались и одевались у нас), но протекцию оказывать им не станет, так это запрещает ему совесть.

Первой реакцией Губкина на каждого нового человека было доверие. Отец прекрасно понимал, что далеко не каждый человек заслуживает этого, но в то же время не считал себя вправе не доверять кому-либо, не имея на это веских причин.

Отец совершенно не был тем, кого принято называть «оригиналом», за ним не водилось никаких особых чудачеств, которые обычно приписываются крупным ученым. Но он был оригинален, в смысле нестандартен, с головы до пяток, в каждом слове, в каждом поступке, которые всегда были неожиданными. Романтик до старости лет, искатель новых путей во всем, за чтобы не брался.

И. Алтухова,
Губкинский краеведческий музей

И. М. Губкин, 1930 гг.

Г.И. Губкина во время визита в г.Губкин, 1970 гг.

Источник:

Алтухова И. Искатель новых путей : по воспоминаниям Г. И. Губкиной об отце / Горняк. – 2013. – 6 сент.